

Судьбы казачьих офицеров, оставшихся в Советской России или возвратившихся в СССР из эмиграции сложились подчас не менее трагично, в сравнении с судьбами тех, кто был вынужден навсегда покинуть родину. Практически все они были уничтожены в период репрессий 1930-х годов.

Библиографический список

1. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40215.
2. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской Империи. Л., 1991.
3. Оренбургский казачий вестник. 1918. № 43. 24.08. С. 6.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5872. Оп. 1. Д. 214.
5. Часовой. 1939. № 228-229. 01.02. С. 3.
6. Справочник-список руководящего и рядового состава – членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск, 1950.

В.Б. Романова

Самарский национальный исследовательский университет

СТРАТИФИКАЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ» В ПАРИЖЕ

Русская эмиграция – это феномен в истории. Покинувшие Россию из-за несогласия с политикой новой власти составляли Русское Зарубежье. Предстоит выяснить, как и почему они стали не просто группой людей, спасающихся от политических репрессий, а именно сообществом, «обществом в изгнании». Также нужно рассмотреть, почему именно Париж стал негласной «столицей» русской эмиграции и как складывалась жизнь эмигрантов в этом городе.

Основной поток русских эмигрантов сформировался в годы Гражданской войны и сразу после нее. Многие думали, что покидают родину временно: «Мы, русские, не верили тогда, что изгнание затянется надолго, самое большое это несколько месяцев, а там большевиков свергнут, и мы вернемся домой» – отмечала великая княгиня Мария Павловна. [2, с. 352]. Поэтому исходя из этой уверенности брали с собой только самое необходимое: «Покидая Россию, беженцы чаще всего не уносят с собой ничего, кроме родной земли на подошвах своих башмаков» [4, с. 57].

Стоит сказать, что для большинства беженцев решение об отъезде из России было спонтанным: «Вопрос об эвакуации – а для многих, в сущности, вопрос жизни и смерти – решался в последние дни, иногда в последние минуты. К тому же для многих русских, воспитанных в высших по-

нятиях чести и достоинства, представлялась унижительной сама идея бегства с собственной родины» [3, с. 30-31].

Благодаря фильмам и литературе укоренился определенный стереотип русского эмигранта: «это бывший богатый аристократ, вынужденный добывать пропитание, работая водителем такси, официантом или швейцаром ночного клуба» [6, с. 40]. Это имеет мало общего с реальностью. Разумеется, что князей и графов там было достаточно, но это лишь верхушка эмиграции. Довольно большой процент составляла интеллигенция и городская буржуазия. Крестьяне также в лице казаков были представлены в эмиграции. В Русском Зарубежье был, несомненно, выше, чем в России уровень образованности: 2/3 взрослых эмигрантов имели среднее образование, почти все – начальное, а каждый седьмой университетский диплом [6, с. 41].

Решение «перезаждать бурю» по мере укрепления в России советской власти превращалось в отчаяние и невозможность вернуться на родину. Мало-помалу многие эмигранты перекочевывали в Париж. Этому способствовал ряд факторов. Во-первых, культурный: «Здесь им было легче выжить благодаря традициям и структурам, которые они унаследовали от своих соотечественников, квартировавших в этих местах в XIX в. и в самом начале XX в.» [4, с. 7]. Во-вторых, политический: «Посольство прежней России в Париже утрачивает свои дипломатические полномочия, но становится сердцем этого нового государства, а бывший посол – кадет Василий Маклаков играет неизменно важную роль в общественной, культурной и политической жизни русского общества» [4, с. 40]. К тому же большинство благотворительных организаций находилось в Париже. Париж вселял успокоение в душу эмигранта: «здесь было с кем посудачить о пережитом, было кому поплакаться об утратах, было, куда обратиться за советом, было, наконец, где при крайности получить кусок хлеба и миску благотворительной похлебки. Было где поставить свечу...» [3, с. 203]. «Жизнь русской эмиграции, во всяком случае, во Франции, в этот период стала напоминать жизнь сжавшейся до крошечных размеров России. Это была как бы уменьшенная копия бывшей Российской империи» [3, с. 42].

Русский эмигрант вел в Париже интересную и насыщенную событиями жизнь. Русские разбредались по различным «салонам», кружкам, просто ходили в гости к друзьям. Для литераторов местом притяжения стал кружок «Зеленая лампа» З.Гиппиус и Д.Мережковского. По воскресеньям литераторы собирались на квартире у Гиппиус и Мережковского и обсуждали различные вопросы, «чаще всего под собственным Мережковскому «метафизическим углом зрения» [5, с. 64]. Кружок посещали В. Ф. Ходасевич, Н. Берберова, Теффи, Бердяев, А. Ф. Керенский. Он просуществовал практически до Второй мировой войны.

Эмиграция выплескивала свои размышления о своем будущем и о России в многочисленных журналах и газетах. Выходили еженедельно две крупные газеты «Последние новости» и «Возрождение», издавались «толстые»

журналы: «Современные записки», «Иллюстрированная Россия», «Числа». В 1925 г. зарегистрировано 364 периодических издания на русском языке [3, с. 260]. Но много на издательском деле не заработаешь. Приходилось овладевать профессией и искать работу. Многие эмигранты шли работать на заводы «Ситроен» и «Рено». Особой статьей заработка эмигрантов было такси. Вопреки распространенному мифу о том, что за рулем такси можно встретить русских князей, на такси работали в основном молодые русские офицеры и солдаты Добровольческой армии. Также трудились у руля врачи, адвокаты, прокуроры. Устроиться работать в службу такси было чрезвычайно трудно, но русские шоферы благодаря своим знаниям, хорошим манерам и воспитанию очень импонировали французским хозяевам гаражей, а так же их клиентам [4, с. 186-188].

Женская часть эмиграции тоже помогала. Женщины пошли в сферу моды. Эмигрантки обладали двумя главными качествами для работы в модной индустрии: умели работать с тканью, шить, вышивать и природной грацией, умением подать себя. Те, кто постарше, работали портнихами, а молодые девушки шли в манекенщицы. «Таким образом, мамы шили, а девушки показывали моду» [1, с. 207]. Наиболее удачливые и предприимчивые открывали в Париже свои дома моды. «Ирфе» был открыт супругами Ф. и И. Юсуповыми в 1924 г. Для «Шанель» работал дом вышивки «Китмир», созданный великой княгиней Марией Павловной.

Таким образом, изгнанникам приходилось туго и на чужбине, но они смогли стать в полном смысле обществом со своими идеалами. Этому способствовали два фактора: в эмиграции были представлены практически все слои дореволюционного общества, хотя в несколько измененных пропорциях; само общество стремилось жить русской жизнью и очень неохотно ассимилировалось в культуру страны-хозяйки. Русский мог жить в Париже абсолютно русской жизнью: «Здесь возник и просуществовал до самого начала второй мировой войны целостный русский мир, сохранивший русский быт, характер и культуру» [3, с. 209]. Эмигрант мог чувствовать себя в России, находясь слишком далеко от нее.

Библиографический список

1. Васильев А.А. Судьбы моды. М., 2016.
2. Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М., 2015.
3. Костиков В.В. Не будем проклинать изгнанье... М., 1990.
4. Менегальдо Е. русские в Париже. 1919-1939. М., 2001.
5. Одоевцева И. На берегах Сены. СПб., 2017.
6. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994.